

18+

В рассвет перед днём смерти....

Константин Игнатов

Константин Игнатов

В рассвет перед днём смерти...

«Издательские решения»

Игнатов К.

В рассвет перед днём смерти... / К. Игнатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933812-9

Фантасмагория. В один из московских вечеров, появившись в старом дворце, Смерть заводит спор со своим соратником — Демоном — о людских душах и любви. Для того чтобы выиграть спор, Смерти необходимо облачить себя в человеческую оболочку и принять имя Марго. Ей нужно влюбить в себя человека глубоко несчастного, увлечь его детской мечтой о главной роли в фильме. Герой, чувствуя тяготение к Марго, начинает отдаляться от семьи, мысли его гложут постоянно, все идет к полному саморазрушению.

ISBN 978-5-44-933812-9

© Игнатов К.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

В рассвет перед днём смерти...

Константин Игнатов

© Константин Игнатов, 2020

ISBN 978-5-4493-3812-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С благодарностями!

Здесь нет предисловия, избегая длинных речей, ибо по ходу чтения с ними придется встречаться нередко, хочется выразить сейчас благодарность людям, принявшим участие в этой книге на протяжении всего процесса ее создания. Спасибо родителям за свободу процесса. Киселевой Людмиле Ивановне, талантливому педагогу, человеку, без которого не было бы ни-че-го. Пономаревой Инне Анатольевне – за веру в меня и спонсорскую поддержку. Астахову Дмитрию за создание обложки. Валерии Добрицкой – прекрасному иллю-

стратору, работами которого Вы сможете наслаждаться в процессе чтения. Моим друзьям. Спасибо.

Часть 1

*«Это абсурд, вранье:
череп, скелет, коса.
Смерть придет, у нее
будут твои глаза».*
И. А. Бродский

Глава 1

Москва, старый давно покинутый людьми дом.

Осень. Вечер. Теплые лучи заходящего солнца нежно касаются запыленных витражных стекол, тоненькие светлые полосы осторожно проникают внутрь, оставляя после себя светлый след, ограничивающий протяженность наступающей темноты, кругом царит прозрачная дымка, а в воздухе пахнет сыростью и плесенью. Старое, давно заброшенное здание, еще не успевшее обветшать и потерять своей благородной красоты, восторженно воспринимает каждый пугливый шорох. Разбросанная по всем углам легкой рукой времени серебристая паутина тихонько раскачивается от легкого дуновения сонного ветерка, гуляющего сквозь зияющие пасти разбитых окон. Тихо. Огромные кудрявые колонны уставшей тенью нависают над свободным пространством, занимаемым лишь парой стульев да старым роялем, укрытым серой пеленой ненужности. Ни души. Забвение или нечто еще более ужасное – эпитафия данного места, застывший в вечном ожидании воздух и непокорная темнота, скованная запуганным светом, – неумолимые спутники.

Выстрел. Точно резкий удар, неожиданно откуда-то из глубины начал раздаваться отдаленный звук приближающихся шагов. Шли двое. Первым возмутителем благодатной тишины было существо красивое, хотя и довольно странное, его далекий силуэт имел чудные, ни на что не похожие очертания, тень его являлась как бы суммой тени людской и тени скорее даже кошачьей. Позади него следовала молодая красивая женщина, уверенно выстукивавшая каждый свой шаг. Эти двое шли медленно, не торопясь, ловя каждую секунду, и только их взгляды то живо скользили вдоль стен, а то, иногда пересекаясь, останавливались и замирали.

Ну что же, думаю, пора немного точнее описать каждого из них. То, что представилось нам странным существом был Демон – сущность мужского пола, не имеющая точных кодовых значений и характеристик. Он был хорош собой, складен, черты его привлекательного лица предательски выдавали в нем здравомыслие. Безусловно, стоит отметить две самые яркие его жемчужины: белоснежные, словно молодая лилия, распустившаяся под солнцем, зубы, и черные, как смоль, кудрявые волосы, являвшиеся серьезным предметом слабости для женщин. Тело его было стройно и гармонично, даже более – оно было идеально: широкие плечи, большие жилистые руки, ярко очерченные мышцы живота. Сам он был молод, его возраст был записан ровно в 236 лет, что совсем мало, по сравнению с другими особями, схожими ему... его можно было считать еще неоперившимся птенцом.

Что же до женщины, имя коей значилось как Смерть? Но нет... не подумайте, она не была костлява или уродлива, а даже наоборот, прекрасна и элегантна. На вид она была очень молода, со вкусом одета: линии ее платья то сходились, то снова расходились по ее изящному телу, описывая завораживающие соцветия форм. Нежное лицо ее, слегка прикрывавшееся светлыми волнистыми локонами, задумчиво выглядывало из-под черной «таблетки» с вуалью. Ее светло-розовые плечи заботливо покрывались темным платьем, сверху которого был накинут длинный бежевый плащ, и, естественно, ее образ заканчивался черными туфлями на высоких каблуках,

что на ее хрупких ногах вечно казались на размер больше. Руки у Смерти были бледны и очень худы, одна из них занимала место ближе к бедру, а другая держала бокал красного вина, едва тронутый алыми губами.

Смерть шла позади и постоянно оглядывалась по сторонам, как будто ища что-то, ее глаза живо бегали, а вернее – испуганно вращались.

– Ужас! Что это за место, зачем ты меня сюда привел?! – В сердцах воскликнула она, ее голос звучал низко, как будто даже со срывами – Мне трудно дышать, меня прямо всю выкручивает назад.

– Это Москва. Да. Москва. Так называют это страшное место люди, – ответил приглушенно Демон, его глаза засверкали нехорошим огоньком.

– Какой кошмар, что мне здесь делать?! Здесь проживают ужасные существа. Все уродливо, абсурдно, время ограничено пространством жизни, а моя роль нивелируется бестолковостью смысла! – Злостно выкрикнула она, а затем слегка прицокнув языком добавила, – отвратительные лица, позабывшие о неизбежности, не знающие любви и сострадания, в этом городе нет красивых душ, мне нечего здесь делать! – она приподняла бровь и уставила свои холодные глаза на Демона.

– Подожди... Я хотел тебе рассказать об одном... очень интересном человеке... Случайно наткнувшись вчера в архивах, я нашел его дело, и скажу тебе откровенно, более загадочного существа я не видывал никогда. Он молод, красив, талантлив где-то внутри, однако – незаметен, в принципе, я бы назвал его неприметным, а душу его – некрасивой, да и вообще, довольно похожей на многие другие, живущие в этом городе. Но этот человек другой. – Сейчас Демон наклонился к самому уху Смерти и тихо, будто опасаясь спугнуть несчастную тишину, прошептал, – Он никогда... ни разу в жизни не был влюблен.

– Он одинок? – холодно спросила Смерть и голос ее дрогнул.

– О нет! У него есть жена, но он несчастен. За восемь лет их брака он ни разу не видел снов! – Демон отвел глаза в сторону и изобразил на своем лице легкую улыбку.

– Но как же он живет с ней?

– Удивительная душа, да и только, но ей нечего здесь больше делать, ее пора забрать, и за этим ты здесь, – едва слышно проговорил Демон так, что его некогда карие глаза превратились в холодные серые ледышки.

– Я устала, – отвернувшись и сделав хороший глоток вина, сказала Смерть, – всякий раз ты мне подсовываешь глупые, пустые дела, от них так и исходит навязчивый запах скуки, я же не прошу чего-то большего, я и так наказана на целую бесконечность и после, неужели ты можешь сыскать счастье в этой принудительной работе? Но я и так обречена на вечность, и знаешь, я как ни посмотрю на стрелки часов, так минутная все без пяти показывает, а в циферблате – твое отражение. Мне все времени не хватает, а порой просто – тебя, – тут лицо девушки расцвело, оно расплылось в умиленно-мечтательной улыбке.

– Отбыв здесь миллионы лет, ты так ничего и не поняла. Тебе нет никакого проку искать красивые души, они все равно не полюбят тебя так, как я, они ничтожны, убоги. И вообще, это не всем дано, не каждый к этому стремится, сколько требует к себе жертв, а не находя их, забывают всякое, таким нечего делать в мире, – он ненамного замолчал, а потом добавил, – ты должна это знать!

Дунул в форточку осенний ветер и принес с собой несколько пламенно-оранжевых опавших листочков.

– Ты ошибаешься, Демон, – надменно выговорила Смерть. – Люди тоже умеют любить, иначе, я не понимаю, любовь – это единственное, что осталось в их мнимой реальности, – Смерть сделала еще один глоток вина и отвернулась. По ее спине пробежала дрожь.

Демон взял ее за руку, и недолго думая, поцеловал ее.

– Ты же знаешь, – продолжил он, – я так люблю с тобой спорить, это кажется занятием нескучным. Хотя, мне скучно всегда и одновременно никогда. Играя в жизнь, я никогда по-настоящему ею и не жил. Так пускай, я поставлю свою свободу на кон и я согласен стать низшим из низших, презираемым из призираемых коль тот человек, – Демон выхватил откуда-то из воздуха толстую пачку пожелтевших, аккуратно завернутых бумаг и потряс ее, – полюбит тебя за 2376 часов, а коли нет – заберешь его душу и твое тело будет вечно принадлежать мне, – эти слова Демон сказал с особым торжеством.

– Свобода всегда была для меня спутницей любви, неотъемлемой частью, – воскликнула Смерть и губы ее посинели.

– Любящий либо принадлежит, либо обладает, третьего не дано.

Она посмотрела на него укоризненным взглядом.

– Хорошо, я согласна, но учти, что для меня получить признание мужчины – ровно в 3 луны.

Смерть громко рассмеялась, и это было слышно повсюду: трещали стекла и ныли стены, и в тоже время, неожиданно, клавиши рояля запрыгали и полилась уставшая музыка. Весь окружающий мир сузился до пространства зала.

Смерть гордо посмотрела вперед, тут же как будто завибрировал воздух, поднялось пространство и точно опустилось в потолок, откуда ни возьмись ровно посередине зала появилось старое обрамленное золотистой рамой зеркало в человеческий рост. Вся стеклянная поверхность была покрыта приличным слоем пыли, из-под которого выглядывала женщина в черном. Смерть взглянула на свое отражение, оно совершенно точно повторяло ее сейчас.

– Надо же, какое странное зеркало, – тихо произнесла она, – смотришь в него, а себя не видишь...

С этими словами она аккуратно дотронулась рукой до зеркальной поверхности и она, точно вода, пошла мелкой рябью, превратившись в упругую материю. Тут же отражение словно потеряло своего истинного хозяина, ожило, и сделав довольно удивленное лицо, постаралось побыстрее выбраться из тесноты рамки. Смерть подала отражению руку и вскоре ее двойник стоял с ней рядом, вытирая пыль со своего платья. И не было меж ними никакой разницы, за малым исключением, то существо, что еще недавно было скованно узами стекла, теперь спокойно стояло рядом со своей хозяйкой.

– А сейчас, – сказала она Демону, возьми меня за руку, я больше не желаю здесь находиться, я хочу снова затеряться где-то между третьей и четвертой параллелями времени, мне нужен воздух, а здесь он мне противен...

И уже через несколько минут три черные фигуры растаяли в темноте, лишь звонкий женский смех продолжал эхом отзываться по разным углам.

Глава 2

День 1-ый.

Утро. Далеко-далеко, за окном, тихонечко начинает разгораться осенний солнечный свет, он слаб и неярк, да тоненькой розовой змейкой едва просачивается сквозь слегка приоткрытое окно. Нежная алая лента пробирается все дальше, захватывая в свои объятия все больше и больше пространства: начиная с запыленных серых гардин, заканчивая запачканным отпечатками худых пальцев зеркалом. Из темноты начинают вылезать силуэты мебели: вон, старый грязный шкаф с давно незакрывающейся дверцей неучтиво поприветствовал занимающийся день, далее, свои гротескные очертания начинает выказывать трюмо, за ним – небольшой письменный столик, с разбросанными по всей его площади бумагами, протертый кожаный диван, отшельнически стоящий в углу и неумоимо ждущий рассвета солнца, далее несколько неудобных стульев и одна кровать, вот, и вся обстановка. Может быть, Вы, мой читатель, упрекнете меня, что мой язык слишком скуден, а мой словарный запас слишком мал, чтобы описать что-то еще, возможно более интересное и занимательное, в этой маленькой комнатусечке, на что мог бы упасть цепкий взор наблюдательного писателя, но нет! Ничего увлекательного и любопытного здесь не было, единственное, что можно было бы еще отметить, что комната была отделана безвкусно, бедновато, единственная мебель, что имелась в запасе, была вся подпорченной, во многих местах деревянный паркет изрядно прогнил, а отсыревшая штукатурка сыпалась прямо на голову со всех четырех углов. Скучно и очень нелепо. Наверное, именно сейчас стоило бы и перейти к знакомству с объектом, возбуждившем во мне столь неистовое любопытство, но перед этим мне бы хотелось рассказать об одной красивой вещи, что можно было наблюдать, стоя босиком на холодном полу у окна – это была вишня, вернее ее ветки, что гибкими ящерами пробирались сквозь свет дня и мрак ночи к вечному куполу неба. Весной, когда на улице стояла сырость, а под ногами текли ручейки грязного талого снега, эта вишня распускалась, подставляя свои молоденькие зеленые листочки лучам ласкового солнца, и именно в это время, наступала самая прекрасная пора жизни в квартире, когда во всей комнате стоял терпкий, сладкий запах распускающейся новой жизни, а сладкоголосые птицы прославляли на разные лады приходящую весну. А вот осенью, то есть сейчас, все было совсем по-другому: ржавые листья уставшим вальсом кружились по воздуху, а затем неугомонным ветром приносимые, залетали в комнату и застилали собой гнилые доски паркета и только несколько упавших сморщенных багровых ягод нарушали неповторимый узор желто-оранжевого ковра. И это было все.

Маленькая, убогая, старая комнатусечка и два спящих в ней человека – один на кровати, другой – укутанный шерстяным пледом – на диване. Тот, что спал на кровати, был мужчина, на вид, лет не более чем восемнадцати, он выглядел явно моложе своих лет, и этот факт порой доводил его до отчаяния, ведь ему было тридцать три года и его лицо не имело ни одной морщинки и ни одной складки, но как и любой мальчишка, этот, любил придумывать себе стариковские приметы, которые должны были бы выдавать в нем либо могучий ум, либо постоянство душевных страданий. Однако, ничего этого на лице его не было, только лишь его карие глаза, слегка потускнели и его губы, имевшие от природы цвет слегка бледноватый, огрубели. На голове его не было ни одного седого волоска, но на ярком ослепительном солнце, его кудрявые золотистые волосы, могли отдавать в своей палитре белоснежным цветом, никак не седой, которую при каком-нибудь случайном разговоре так любил подрисовывать себе он. Стан его был прям и величав, плечи широки, а руки мускулисты и вообще, это был вполне себе такой незамысловатый внешний образ, из индивидуальных черт можно было отметить разве что небольшое пятнышко в форме креста на левой руке, да глупую привычку его, а собственно,

Волнянского Константина Германовича, именно так звали моего героя, носить старые слегка потрескавшиеся по углам «удачливые» очки.

Это был тот самый тип людей, что постоянно ищут эпатаж, им до удивительного рвения нужна драма, в любом из ее проявлений. Такие люди обычно говорят очень долго и вычурно, они не любят слушать собеседника и скорее будут сами производить эффект, чем болтать о чем-то непринужденном, так же они любят философствовать, без разницы о чем, главное – о вечном, не имеющем своего конца от природы. Да, бывало Волнянский вскинет руки вверх, потом найдет им достойную позу (где-то около нижних карманов брюк), расчесет свою челку назад и начнет долго и заунывно говорить, иногда делая ожидаемую паузу для проверки, было ли произведено нужное впечатление на слушателя, покорен ли он, и только потом речь его продолжалась, медленно и лениво превращаясь в длинную тираду.

Он ядовит, ни одно замечание, невольно попавшие в его сторону не будет пропущено мимо ушей, на любую колкость, обязательно, найдется достойный, затмивший собеседника в остроумии, ответ. Константин Германович сам дает повод для долгих споров, ведь спор – это его любимейшее жизненное развлечение, в котором герой моей повести себя может проявить как человек неплохо образованный и хорошо начитанный. Хотя, все выше перечисленное требует подпитки в глазах и ушах, Волнянский терпеть не может находиться в большом обществе людей, считая их всех по своему большинству существами примитивными и безликими, исходя из этих мыслей, Константин Германович предпочитает отдых в полном одиночестве и отдалении от всякого возможного «нежелательного». А самого себя, Константин Германович, считает человеком исключительным, созданным самим богом (ну или иной главенствующей материей) для высшей цели, при этом, в нем должны были проявляться чувства наиболее обостренные, а сам он должен был быть обречен на вечное страдание, ставя себя на одну линию со многими величайшими гениями.

Друзей он почти не имел, правда, стоит отметить одно исключение – «странный» Хьюго, это был молодой педант, с манерами ничем не лучшими Волнянского (наверное, именно поэтому они и сошлись), да и познакомились они довольно странно. Дело было одной, страшно снежной, зимой, когда долгим морозным вечером одна уважаемая пожилая дама решила устроить у себя дома теплый прием, уж не знаю какими судьбами (может и случайно), но туда был приглашен Константин Германович и вот, в тот момент, когда большая часть гостей ушла домой, а оставшиеся решились играть в карты, к герою моей повести подошел «странный» Хьюго и задал один из тех глупых вопросов, с которых люди не умеющие вести красиво диалог, начинают с вами пустую болтовню. Вот так, они и познакомились, хотя, настоящей дружбой их взаимоотношения ну никак не назовешь, ибо что один, что другой втайне не любят друг друга, несмотря на то, что выходя из дома, оба создают впечатление полностью противоположное.

Из всех форм различной высшей власти, он верил только в судьбу, мечтать не любил, однако одну мечту все же имел, что он хранил глубоко в душе – быть актером. Это было какое-то тайное детское желание, Константина всегда завораживали большой темный экран, иногда переливающийся бликами лиц актеров, медленное воспроизведение движений, такой неуловимый, будто сиюминутный момент наслаждения. Про эту мечту знал только Хьюго, и всякий раз, когда Волнянский вновь поднимал тему кино, тот всегда наклонял голову на бок, вскидывал правую бровь и спокойно отвечал: «Бойтесь желаний, они имеют свойство осуществляться!» И на этом, беседа на эту тему обычно прекращалась.

Раз уж я начал говорить о личной жизни, пожалуй, стоит продолжить эту линию... Собственно, Константин Германович никогда, повторяю, никогда не любил, его существо просто не способно выдержать этого напора чувств, что мы называем «любовью». До 25-ти лет он вообще, жил с одной лишь надеждой – поскорее бы заболеть какой-нибудь лихорадкой и незаметно для других отправиться в мир иной, но после очередного приема у врача и окончательного утверждения, того факта, что здоровье у Константина лучше любого из силачей, он задумался

мался о появлении в своем доме женщины (ну ведь надо же будет с кем-то старость коротать) и нашел для себя девушку Аину. И тут парадокс, из тех многих, что готовы были отдаться Волнянскому, он выбирает самую неприметную, спокойную, совершенно, ему не схожую и не подходящую по характеру, но один ключевой фактор – с ней была стабильность и некая далекая надежда на спокойную жизнь. А ведь это была даже не влюбленность, а простая детская симпатия, на волне которой уже через неделю после первой встречи Константин Германович сделал Аине предложение, а еще через месяц, они поженились. Теперь, думаю, самое время рассказать о жене моего несчастного героя.

Аина Волнянская, урожденная Грановицкая, молодая женщина 35 лет от роду, довольно миловидная, но, увы, совсем не красивая: она слишком худа, даже можно сказать тоща, ее фигура похожа на правильный параллелограмм, ноги, правда, слегка кривоваты, да руки непропорционально малы, а ее лицо, единственное, что могло бы быть украшением такого женского тела очень блекло, вернее, оно имеет неестественный голубовато-серый оттенок, отдающий своей палитрой на какой-то серьезный диагноз. При этом, у Аины довольно красивые глаза, они большие и очень выразительные, особенно в них приятно смотреть на природе, окунаясь в лучи золотистого солнца, когда небесно-голубой оттенок неба сочетается с нежно бирюзовым отливом глаз. Нос мал, с горбинкой, а губки слегка пухлы, прибавьте к этому локоны каштанового цвета, упрямо падающие на неказистый лоб и вы получите тот самый образ жены Волнянского. Можно и про характер. Он очень мягок, сама она относится к тому типу людей, которые всегда и во всем будут кому-то подчиняться, им просто жизненно необходим вожак с факелом в руке. Аина никогда ничего не говорит поперек словам мужа, она готова слепо слушаться его повелениям, даже не беря в голову смысл своего действия. Она слишком робка для этого, это у нее с детства так. Аина однако не знала, как звали ее отца, она искала его, обращалась во все возможные службы, но все, словно сговорившись, выдавали ей разные заретушированные фотографии, подписанные самыми разными именами. По паспорту, конечно, она имела отчество, но оно ей так не шло, что даже произносить его вслух в сочетании с ее именем было большим оскорблением для нее лично, это отрицало бы ее, потому, тактично опустим данный факт. Эта женщина привыкла жить по принципу: «Ни больно, ни хорошо; ни грустно, ни смешно», она не желает иметь чувствительность, как данность, даже с удовольствием удалила бы себе все нервы, ей принципиально не нравится, что-либо чувствовать, будто это что-то хорошее или плохое. Порой импульсивна, даже меланхолична, может действовать сгоряча, подчиняясь однако не порыву в эмоциях, а скорее растущему одинокому озверению.

Единственное, что ее всегда развлекало – это чтение чужих писем, у нее прямо страсть к этому была, а кроме этого, мало, что могло развеселить эту женщину. Бывает, в минуты всеобщего праздника, она ходит повесив нос или наоборот, смеется, когда другие плачут, стоит ли говорить, любила ли она?! Конечно же, нет! Единственным исключением можно считать ее паническую привязанность к мужу, любовь ли это? Вряд ли, но самый большой страх Аины – это потерять близкого, но лучше его вообще не приобретать! «Но как же она тогда вышла замуж?» – спросите Вы. А я отвечу. Она исходила из мысли, что это просто нужно, да и мама настояла... В общем, может случайно, а может так и было задумано кем-то или чем-то с выше, но восемь лет назад Константин и Аина сыграли свадьбу. Она была скучной для обоих, гостей было человек пятнадцать (половина из которых случайно присоединились с улицы, почуяв запах спиртного) и уже через два часа после начала, все празднество завершилась, а дальше наступила тоскливая и безысходно унылая жизнь, начавшаяся с первой брачной ночи, когда молодожены зачали ребенка, девочку, имя которой дали Алиса, что была с самых малых лет больна неизлечимым недугом, но она, и только она являлась истинной скрепой между мужем и женой. Волнянский любил Алису настоящей любовью отца, но не мог дать ей ни счастья, ни утешения, за что сильно корил себя, и конечно, всякий раз просыпаясь утром начинал свой день с мысли о ней, при чем мысли всегда имели характер печальный.

Однако, в ту самую первую ночь молодожёны заснули в разных углах комнаты, с тех пор, вместе они больше не спали, да и не было места, их постели были слишком малы для этого. Куда проще было чередовать сон на кровати друг с дружкой, и как мог бы заметить самый внимательный из моих читателей, сегодняшней ночью, очередь была за Константином Германовичем...

– Жена, – небрежно раздался сиплый голос из угла, что возле кровати, – А завтрак?

Надо так же сказать, что обращение в этой семье было тоже странным, ни муж, ни жена ни разу не обращались друг к другу по имени за последний год, отдавая тем самым дань уважения к статусу.

– Конечно, муж, – тут Аина приподнялась с дивана и медленно подошла к кровати, а затем села на уголок и закинула голову кверху, так, что ее правая щека казалось немного румянее, попав под лучи восходящего солнца. – Только вот скажи, тебе совсем не хочется на море? – начала тихо она. – А мне ужасно да и Алисе было бы это полезно. Может съездим на юг, попьём хорошего вина, поговорим об искусстве, да просто в конце концов займемся той глупой ерундой, что занимаются люди в дни, свободные от обязанностей... Что скажешь?

Тут она слегка ожила и повернулась корпусом прямо к Волнянскому. Ее огромные глаза, казалось, именно сейчас стали еще больше.

– Ну ты же знаешь, у нас совсем нет денег до этого! – неожиданно рассердившись на супругу, и нарочито приподняв правую бровь, воскликнул Константин Германович.

Дело было плохо. Волнянский давно начал чувствовать, что окружающие его дико раздражают, эта была некая его внутренняя тенденция к протесту, даже скорее против своего же существа, а вот то, что подобное чувство в нем начинает вызывать его жена, а незадолго до этого – ее сестра, хитрая Фанни, было в новинку. Но, следуя его же личной логике о том, что за всеми его действиями стоит рука Провидения или чего свыше, вмешиваться или хотя бы давать отпор этому новому чувству Константин Германович не собирался.

– Но... Но... – начала заикаться Аина, у нее всегда такое бывает перед плачем, и вот опять... – Но я же копила, копила целых три года на путешествия, мы же в свадебное тогда так и не поехали, у меня достаточно денег, немного, но достаточно, – уже с крупными каплями слез на щеках разразилась она.

– Все – вопрос решен, – сухо ответил Константин.

Повисла мучительная пауза, лишь только муха, безбожно бьющаяся в окно, нарушала установившуюся робкую тишину. Ужасное чувство. Как зной перед громом, неизбежное становится намного дальше в понимании, чем мнимый шанс на спасение.

– Скажи, ты меня любишь? – с полными слез глазами спросила Аина, к сожалению, заведомо зная ответ на свой дурацкий вопрос.

– Нет, – прозвучал ясный ответ, в голосе Константина чувствовалась непоколебимая уверенность, а затем, перевернувшись на другой бок, Константин Германович уткнулся носом в обшарпанную стену. – Ты же знаешь, я не способен тебя любить, – продолжал он, – У меня нет сердца и я, слава богу, этого не скрываю, я привязан к тебе, если хочешь, называй это любовью, но это не то, что ты ожидаешь, мне нужна жертвенность, а тебе спокойствие, я хочу риска, а ты стабильности, мы разные люди и я рад этому.

Он помолчал недолго, а потом сухо добавил, – искренне.

Вновь была пауза. Послышалось легкое всхлипывание носом, он страдал, конечно, страдал. Эта боль мучила его с детства, в то время, когда другие дети ловко бегали друг за другом и вели разговоры только о романтике и любви, Волнянский всегда был в стороне, ему это было чуждо, это была огромная волна переживаний, которая порой выливалась в дикий одинокий вой. Вот именно такой зверь-одиночка.

– Я пойду готовить завтрак, – тихо произнесла Аина, а потом укоризненно добавила, – Муж...

Константин Германович не стал отвечать, он лишь встал с кровати, поминутно вытирая платком свой нос, и подошел к письменному столу, среди груды бумаг которого завалялась случайная ветхая книга (какого автора я уже и не помню, может Шиллера, а может и Байрона). Да, еще одной удивительной пристрастью Волнянского было, как ни странно, чтение, это было то, что он любил больше всего в жизни. Он считал книги своими союзниками, а сам процесс – одним из последних оставшихся интересных занятий в этой наполненной скукой реальности, все остальное было нудно и просчитано, однако, и даже в столь, как казалось бы, безобидном увлечении, Волнянский находил причуду: он читал книги только о любви, где учился быть симпатичным, милым и довольно привлекательным для женщин, как я уже говорил, производить эффект – было одно из любимейших занятий Константина Германовича. Он любил играть с душами и ничего не мог с собой поделать, он видел упоительное наслаждение в обладании влюбленных взглядов, ему казалось довольно забавным смотреть на влюбленную в него женщину (и такие находились, несмотря на его семейное положение) свысока. Он сравнивал ее с едва распустившейся орхидеей, чей терпкий аромат, тянущийся к вечным лучам солнца, имеет смысл лишь первые несколько дней, а затем цветок высыхает, но период его расцвета навсегда остается в памяти человека. Волнянский просто обожал срывать орхидеи, он их не коллекционировал и не собирал в гербарии, он сначала долго с ними забавлялся, а затем, надышавшись ими досыта, безбрежно выкидывал на лютый мороз, где не было ни любви, ни страсти. Кстати, последнее чувство, Константин Германович не признавал вообще, по его мнению, это есть безумство, поджигаемое огнем обстоятельств и жаждой власти над человеком, над его совестью и сознанием. Но, гордость, как состояние, Волнянскому было вполне симпатично, он видел ее верховенствующей над всеми человеческими желаниями, ведь именно гордость порождает ненависть и злость, доброту и щедрость, да даже вопрос дружбы и вражды тоже решает гордость. Константин Германович свято не верил в дружбу, он полагал, что она строится лишь на интересах одной стороны, в то время как другая исподтишка пытается атаковать, да и вообще, любых лишних контактов с людьми, Волнянский избегал, ему куда было приятнее сесть в комнате одному и под видом прочтения умной книги поговорить по факту с самим собой...

Завтрак был готов и давно стоял на кухонном столе, тихонько ожидая своего губителя, но он не пришел. После неприятного разговора с женой, да еще и вновь возникшего чувства отвращения к ней, Константин Германович осторожно натянул на себя серые штаны, одел помятый твидовый пиджак, сверху черное пальто, собрал свой старенький чемодан, накинул на голову шляпу и бесшумно покинул свою квартиру. До начала рабочего дня оставалось еще два часа, но находиться дома не было никаких сил! А что там делать? Опять заставлять себя смотреть на больную дочь, спящую беспокойным сном на кухне, или вновь глазеть на выходки ненормальной жены? Нет! Иногда требовался отдых и время для уединения, это конечно не было счастьем, а только дальним отголоском на него, но и это было хоть что-то.

Было очень рано и холодно, оттого, сильный осенний ветер, рьяно дующий с севера, пробирал до самых костей. Вдруг, стремительно горизонт начал темнеть, черная туча, неумолимо поедая остатки светлого неба и солнца, начала стягивать пустующий просвет. Стало страшно. Все вокруг сделалось маленьким и незначимым, а потом стало тихо, очень тихо, но это только на миг. Раздался дикий гром, своим неистовым рычанием разорвавший небо, а далее, за ним, ослепительная молния пронзила облака где-то неподалеку, и пошел сильный дождь. Его капли были крупными и теплыми, как парное молоко, они безжалостно падали сверху, словно купая сонный город в горячей ванне. У Константина Германовича не было с собой зонта, да уже он был бы и не к чему: все кожаное пальто промокло, так что даже пиджак хлюпал своими тканями от сырости, шляпа стала бесформенной половой тряпкой, а серые брюки разом превратились в мешковатые затеи. Волнянский шел один, на тротуаре никого не было, а редкие машины, отдававшие свой холодный свет фар, молча проезжали мимо. Вдруг, откуда ни возъ-

мись, прямо возле дороги, появилась черная фигура, она появилась из бездны и Волнянский готов был поклясться, что ее там минуту назад не было. Совершенно точно, улица явно пустовала. Сквозь образовавшуюся туманную пелену падающих капель Волнянский смог разглядеть, что это была женщина.

С этой женщиной, мой читатель, увы, знаком, но не Волнянский. Для него она была не более чем таинственная незнакомка, которая, как и другие представительницы прекрасного пола не могли возбудить в нем интерес к жизни, когда последнюю он считал наказанием души человека. Женщина шла прямо, слегка впереди, закутав свое неповторимо-прекрасное лицо в черную вуаль, и опустив глаза вниз. Улица была все так же одиноко пуста, и ее бесконечно унылые фасады все так же омывал своими потоками серый ливень, и только черный далекий силуэт незнакомки, будто являясь морским маяком, мигал где-то вдали. Они так и шли, она впереди, он слегка отставая, повторяя каждый ее поворот, это могло выглядеть как некое преследование, но Константину это начинало даже нравится, это забавляло, тем более, было совершенно очевидно, незнакомка правила игры поняла.

Неизвестно сколько бы эта шутка продолжалась, как вдруг, она покачнулась, недолго постояла в уставшей позе и, ангельски заведя глаза к небу, упала прямо на руки обескураженного Волнянского, что уже успел ее нагнать, тут он и смог рассмотреть ее изумительное личико, кожа которого, казалось, была чересчур светлой, и не выказывала никаких признаков старения. Это был какой-то ангел, упавший прямо с небес в руки Волнянского. Как человек очень внимательный, он сразу начал отмечать интересные для себя детали: он обратил внимание на то, что женщина была высока, стройна и, безусловно, очень привлекательна. Она имела короткие, зачесанные назад кудрявые светлые волосы, большие, глубоко-темные глаза, подведенные изящными стрелками, которые только подчеркивали ее нежность, слегка полные, нежно-малиновые губки, подкрашенные дорогой помадой, прикрывали белоснежные зубы, готовые вот-вот блеснуть приятной улыбкой. Образ девушки был совершенен. Он был дерзок и спокоен, и только тепло-бежевый плащ прикрывал хищную наготу ног и рук ее.

– Богиня... – совсем тихо прошептал Волнянский.

– Не совсем, но вы угадали, Константин, ведь можно, я Вас буду так звать, без пафоса, не люблю? – слегка сморщив нос и прищурив, спросила она.

Тут женщина приподнялась, отряхнулась и протянула свою бледную руку.

– Маргарита, можно просто – Марго, – она широко улыбнулась.

Константин Германович тоже выставил свою правую руку вперед и хотел, соблюдая все известные ему правила приличия, представить себя, но потом, неожиданно, как ошпаренный, одернулся, встрепенулся и сделался в миг угрюмым и злым.

– Откуда Вы знаете мое имя? Мы разве знакомы? – сухо спросил он.

– Нет, но это хороший повод сделать это сейчас, тем более, мне идти туда же, куда и вам...

– Извините, нам с вами не по пути, мне надо в магазин, – тут Константин Германович попытался выдернуть свою руку, за кою уже Марго успела аккуратно взяться, и пойти в противоположную сторону от своей дороги, но не получилось.

– Ну кого Вы обманываете, Константин, – продолжая весело смеяться, проговорила Марго, – Я ваша новая знакомая, актриса, работаю вон в той мастерской, – Марго вытянула указательный палец вперед и указала на дом за поворотом.

Тут произошло то, в чем позже Волнянский никак не мог разобраться, его тело, взяло и поддалось, оно само направилось к этой женщине и начало идти возле нее. Может так захотел бедный рассудок? Одно Константин мог сказать точно, что он никогда, повторю, никогда не встречал женщин, подобных этой. Марго шла прямо и непринужденно, ее легкая походка звенела высокими шпильками, нет, она не шла, она парила. И это было так прекрасно, так женственно и так завораживающе... решительно, таких как она нет. Что это за создание? Может, это дурная шутка болеющего разума или это явление самых сокровенных грез, что так долго

прятались в очерстевшем сердце? Константин шел рядом, он чувствовал себя ничтожным, разве может он, жалкий человек, чья скудная фантазия не позволяет ему вот уже несколько лет подряд видеть сновидений, соответствовать такой женщине? Лил дождь, а зонта не было, но как-то внутри все горело, такое странное и новое ощущение, оно то затихало, то вновь появлялось, неумолимо связанное с каждым новым случайным касанием руки Марго.

– Ну что ж, расскажите что-нибудь о себе, – попросила нежно она, а потом совсем тихо прибавила, – Хотя я и так все знаю.

Тут Волнянский начал рассказывать все, до мельчайших подробностей, начиная с момента его прихода в школу, заканчивая сегодняшним днем. Начиналось все шутя, да маленькая злая искорка, то и дело, соскакивавшая с его языка, начинала превращаться в огромную порцию желчи, выливаемой почти на каждого его знакомого. На лице Волнянского читалась неподдельная злоба и ненависть, создавалось такое чувство, что он обозлен на весь мир, на каждую былиночку, это начинало заметно пугать Марго.

– Боже, да Вы страшный человек, неужели все эти люди сделали вам так много плохого?!

– Увы, во мне это начало проявляться с самого раннего детства, то общество, в которое я попал, порождало порок, гнев и слабость. Многие пытались искать в моем поведении злость и я сделался злым. Я говорил правду, но в моих словах видели лукавство, я был беззащитен и на меня нападали, я был готов полюбить любого, кто мог бы меня приласкать, но всякий, кто обещал мне доверие, наигравшись с моими мыслями, бросал меня в сточную канаву, а потом шел разносить меня по своим друзьям... с тех пор, я понял, что дружбы на свете нет, а то, что люди называют этим словом, чаще всего, есть ни что иное, как взаимоотношение между подчиненным и хозяином. Первому, из-за зависти хочется быть на месте «друга», а второму, просто упоительно видеть, то что он лучше, это так и мне повезло, у меня нет друзей. Я не хочу быть ни лучше, ни хуже, это глупо – дружить.

– Ну а как же странный Хьюго? – все с той же улыбкой спросила Марго.

– Хьюго? – с легкой иронией в глазах переспросил Константин, – Он меня просто забавляет, однако, мы понимаем друг друга без слов. Он когда-то в своей жизни, столкнулся с такой же проблемой, как и я. Тот социум, в котором он обитал предал его, после этого Хьюго закрылся от внешнего мира, но мы нашли друг друга. Конечно, та ненависть, что обитает а нас обоих, распространяется и на нас самих, но если мне надо с кем-то поделиться событиями, то Хьюго, уж поверь, лучший слушатель на свете. Я мало делаю добрых дел, чаще – просто из-за неумолимого интереса играюсь с людскими намерениями, как когда-то они с моими, тогда меня может осудить каждый, любая подворотная собака может бросить в меня камень, но не Хьюго, он поймет... Ты, я смотрю, тоже его знаешь?

Марго промолчала, она не могла сказать, что Смерть знает все про каждого, про его прошлое и будущее. Но лишь немного проведя своей рукой, взяла руку Константина, так они шли долго и молчали. В этот момент, Константин посмотрел в глаза Марго, в них читалась едва заметная усмешка, ее щеки пылали, а губы слегка подрагивали... В ней было что-то скрытное, едва уловимое, то что не каждому дано разгадать, возможно, даже что-то мистическое.

Они шли, покамест дома становились все «краше», теперь вместо серой и голубой краски на фасадах, иногда появлялись и некие подобию украшений (что-то похожее на лепнину), эти ужасные, огромные каменные гробы, нелепо вылезавшие из общего строя, наверное, казались городским архитекторам невероятной красотой. Местами, эти дома расширялись, вытягивались, а потом снова приобретали свой привычный вид. Улица, по которой шагали мои герои, вообще странная, ее названия я не помню, да это не столь и важно, но сам факт: где-то начинались бесконечные заборы, одноэтажные дома сбивались в кучу, а на другой стороне уже выделялась огромная высотка. Иногда, из некоторых одноэтажек еще веяло уютом, там то и дело, мелькали странные лица в коричневых шляпах, измоченных сильных ливнем или темные фигуры в серых плащах, они среди огней старых лампад играли в бильярд или в карты, это

было чудно и странно. Все на улице двигалось: по плохой мостовой ехали новенькие машины, их дальний свет мягко освещал усталые плиты, люди, такие угрюмые катились вниз по улице, а с неба продолжал идти уже слабый дождь.

Волнянского не отпускали свои мысли, он постоянно о чем-то думал, думал о всем, что попадалось ему на глаза, сейчас предметом рьяных умственных поисков, стали люди. У Константина Германовича, как я уже говорил, было свое, давно сформировавшееся мнение о большинстве, его он почитал двигателем самых необратимых последствий, а жертвой движения, он находил себя во всех смыслах и значениях. Волнянский был глубоко обижен и не понят, его твердое понимание всего человеческого, то, что вымышлялось годами бессонных ночей, сейчас, готово было рухнуть в пропасть. Та женщина, что шла рядом, она же была другой, но не просто другой, а такой, каких больше нет. «Может я просто не видывал иных женщин и мужчин? – думал Волнянский, – «Вся моя жизнь была посвящена лишь сопротивлению, я жил вопреки, одиноким одиночкой, целью моей жизни было оказать воздействие, как-то повлиять на души и умы и я совсем забыл про поиск...» Улица тянулась дальше, небо наполнилось белесо синими оттенками, а в воздухе начинало пахнуть после дождевым куревом, невыносимо упоительное прикосновение неожиданно разорвалось, та девушка, что только недавно стояла рядом, вырвалась из мысленных объятий Волнянского, Марго сделала на своем лице подобие улыбки и, слегка махнув нежно ручкой, сладко произнесла: «Прощай!»

Глава 3

День тот же. Приблизительно время встречи Марго и Константина. Тверской бульвар, один из ресторанчиков.

Это был самый обычный день. Один из тех многих обычных дней, что обычно совершенно спокойно и до ужаса невзрачно протекают в течение целого года. Все было на своих местах, как он и любил. Архип Матвеевич – главный директор кинотеатра «Березка», что располагается в Столешниковом переулке, сидел сейчас прямо напротив окна в этом самом обычном ресторанчике с совершенно кошмарным, невкусным названием, скорчив грустную мину.

За столом сидел толстый человек среднего роста, находящийся в возрасте сорока трех лет, одет он был в свой привычный, никогда не слезающий с него костюм. Белая, слегка помятая и, явно, не первой свежести рубашка была у ворота перетянула красным галстучком, поверх значился серенький, растянутый донельзя пиджак с темными пуговками, точно же серые штаны, мешковато свисавшие в пол, и ноги, обутое в лаковые полусапожки. Волос Архип Матвеевич на голове не имел, его затылок, абсолютно лысый, во времена сильнейшей жары или томного волнения всегда отдавал в своем ярком блеске золотым свечением, лицо его было пухлым, от и до покрытое складками и морщинами, огромный рыхлый нос, два маленьких масляных глаза, имевших в своем цвете, а скорее даже выражении, нечто совершенно неправильное, едва заметные на таком лице брови да еще сытые и к тому же всегда обветренные от постоянных покусываний губы. Лицо самого печального человека на всей земле. Архип Матвеевич был грустен всегда. Если только можно было бы вообразить всю его печаль, что он носил с собой и как-то измерить, поместить в квадратные метры, то вышло бы наверное строение до самых облаков. Этот человек был несчастлив во всем и если принимать во внимание тот факт, что он был к тому же еще и до ужаса неудачлив, то скорее всего он мог бы вызвать у вас только чувство всепоглощающего сожаления. Неудачи преследовали его везде, начиная с забавных мелочей, подобных тем, что нередко случаются у каждого по босому утру, заканчивая самыми невообразимыми поворотами жизни. Только представьте, что вам на перекрестке дорог, в какое бы время дня вы бы не подошли к нему, все время будет гореть красный цвет, а еще, ужасная проблема – шнурки, сколько бы не тщился Архип Матвеевич их завязывать разными узлами, они все равно будут постоянно свободны, этот список мелких невезений можно продлевать до бесконечности, не забудем включить в него же никогда не прекращающиеся головные боли, постоянные проблемы с телефонным аппаратом, совершенно глупые пропажи ценных бумаг, ключей, очков, всего самого обыкновенного, что можно только отыскать в квартире холостого мужчины. Детей же он не имел. Жену потерял. Недавно. Единственное, чем мог занять свой ничем не тренированный ум Архип Матвеевич, была его работа, сложная и ответственная, на которой он тоже, увы, не был счастлив. Бумажная волокита заменила ему живых людей, весь в себе, полуозлобленный, хитрый, все время выискивающий и никогда никуда не успевающий человек, к тому же, до крайности глупый. Если мне что добавить? Разве только его отвратительную привычку постоянно держать у себя а кармане маленькие фруктовые леденцы и без остановки занимать ими свой рот.

Сегодня у Архипа Матвеевича опять выдался неудачный день. Утром директор кинотеатра опоздал на свой любимый троллейбус номер тринадцать, а это была потеря большая. Прежде всего он не смог занять свое любимое место у окна, отчего-то всегда до него свободное, спросить у кондуктора о его здоровье, что заведомо всегда «ни к черту», после, достать из новенького чемоданчика утреннюю газету и, сделав то ли удивленное, а то ли озлобленное лицо, приподняв правую бровь и от того получив у лба еще несколько изогнутых линий морщин, погрузиться в чтение. После мысленно отсчитать три остановки и опустить газету на колени, тут, в троллейбус все время садилась она, отчего-то тоже всегда напротив, моло-

дая, высокая, не сказать, чтобы точно уж стройная, но однозначно привлекательная девушка. Она садилась, поджимала руки в локте и тоже смотрела на Архипа Матвеевича, тот же начал разговор, он не произносил ни единого слова, они давно научились уже общаться одними лишь взглядами, и все понимали. Спустя шесть остановок девушка выходила, Архипу Матвеевичу оставалось проехать еще две... Сегодня он опоздал, ехал в трамвае, глубоко его ненавидел. Высадился не там, где положено. Шел пешком. Тоже. Не любил. На работу уже опоздал, позвонил. И бывают такие минуты, когда вроде совсем ничего страшного не происходит, а если смотреть с точки зрения глобальной, то ничего не происходит и вовсе, только лишь малая деталь выпадает из общего строя и, кажется, что уже все настроено против тебя одного.

Архип Матвеевич сидел за столом, ему было уже абсолютно все равно на то, что происходит сегодня, его рыхлое тело вальяжно раскинулось на шатком стуле и, тихо причмокивая, делая это совершеннейшим образом безобразно и некрасиво, он искоса наблюдал за происходящим за соседним столиком. Любимое развлечение однако! Это вообще довольно забавно, смотреть на жизнь из-за стекла, ты вроде есть, вот тебя задела плечом на улице, и ты почувствовал легкий признак болевого ощущения, а вроде и нет, окликнешь – а там, уже и никого. Наблюдение, сокрытие, утайка – все самое неприметное должно было самым удивительным образом привлекать Архипа Матвеевича, некая рыба, а то ли и лисица, что всегда все высматривает. Может по привычке, необыкновенно глупой, а может, просто из желания развлечь себя, он все замечал, самое интересное – конечно записывал, после дома читал и откладывал в деревянную тумбочку у кровати стиля «гей, славяне».

На столе лежала уже пара-тройка скрюченных конфетных обёрток, аккуратно пододвинутых ближе к краю. Зазвенел голосистый звоночек, ужасно некрасивая пухлая дама с ярко подкрашенными чувствительным красным губами с остервенением, достойным самой высокой драмы, своими пухлыми маленькими пальчиками безостановочно бряцала по столовому колокольчику, предвещавшему готовность заказа к выдаче. В этом, однако, Архип Матвеевич был как нельзя более постоянен, его ежедневный рацион составляли борщ, непременно с потертым чесночком, удивительно безвкусный компот, имевший в своем цвете сходство со средством для чистки окон и зеркал и, непременно, ломтик черного ржаного хлеба, это было все, что себе брал себе Архип Матвеевич на протяжении вот уже девяти лет на обед.

Дальше, опять-таки, все происходило самым обычным способом, Архип Матвеевич подходил к узкому окошку выдачи заказа, ловил на себе недовольный взгляд толстой буфетчицы, платил озвученную сумму, заранее предполагая, что сдачи с его купюры не найдется и уже, взяв поднос и слегка скрючив и без того сторбленную спину, Архип Матвеевич приготовился было, развернувшись, ступить по направлению к своему столику у окошка, как словно из воздуха, прямо перед его носом появилась светлая дамочка в черном. От испуга Архип Матвеевич издал сдавленный крик, он был абсолютно точно уверен, что никого еще минуту назад там не было, и что поразило воображение Архипа Матвеевича еще больше, так то, что еще секунд пять руки у дамы были абсолютно прозрачны и не сливались с окружающим пространством лишь только бежевой граничной линией. Однако после, словно волной, на руках появилась краска, начала она начала течь с самых локтей и после, перекинувшись на запястье, окрасила в нежно-розоватый цвет уже и пальцы, обогнув только необыкновенно красивое зеленое малахитовое кольцо на мизинце левой руки.

Архип Матвеевич покраснел, его и так немалый нос раздулся еще больше, в долю взмаха было понятно, столкновения не избежать. Попытка перенести вес тела назад привела к окончательной потере баланса и тем самым нехватка пространства начала настаивать на факте своего существования с еще большей силой. Потребовалось всего ничего и Архип Матвеевич уже всем своим корпусом летел прямо на женщину, впереди – поднос с борщом и компотом. Дама, не моргнув и глазом, живо отпрыгнула назад, что, конечно, спасло ее от массы тела Архипа

Матвеевича, а его заставило падать прямо на плитку кафе, но вот борщ и компот неминуемо растеклись одним жирным пятном прямо посередине легкого платица ее, чуть ниже груди.

Да, Архип Матвеевич упал, чем привлек внимание большинства посетителей кафе, он поднял голову и посмотрел на дамочку. На лице ее застыла маска ужаса, отрицавшая всю хищную красоту ее. Светлые мягкие волосы нежно шипели кудрявой волной на затылке, аккуратно припудренный носик слегка раздулся от возмущения, а глаза – отчего-то один голубого, а другой – изумрудного цвета, строго смотрели холодным пронизывающим взглядом. Важнее всего были губы, очерченные яркой красной линией и имевшие цвет нежной розы, они заметно выделялись и, будто выдаваясь вперед от всего образа, цепляли на себе внимание неопытного обывателя. Одетая дама была неброско, но со вкусом, во все черное, что придавало ее лицо еще больший оттенок некой богемности, а скорее даже ненавязчивой ухоженности, ей черныи точно шел. Цвет романтиков. Он был ей как самое верное обрамление для такого лица, фактурного, четкого и взгляда – явно пронзительного. Легкое осеннее платице по колено, да с милыми манжетками на рукавах, колготки идеального узора – редкость для женщин в том кафе, да поношенные черные туфли (новые она категорически не носила, часто расхаживала их в одиночестве).

Архип Матвеевич глупо смотрел на нее снизу, она ему определенно нравилась. Он любил женщин красивых – они его нет. Он быстро встал, отряхнулся, после, слегка ссутулился. Вся глыба этой женщины давила на него сейчас, у нее был страшный взгляд, в упор и самый прицельный. Он хотел сказать что-то более внятное, но получилось только застенчивое: «Простите». И хотя пятно не было заметным, оно хорошо подпортило ткань, та съежилась, покрылась волнистыми складками и слегка затвердела.

– Вы ужасно неаккуратный человек, чем, безусловно, обидели меня! Я возмущена, так и знайте! Мое любимое платье!

Женщина достала из сумочки длинную сигару и, быстро выхватив зажигалку, пустила большой клубок едкого дыма.

– Уже неделю не курила, все бросить хочу, да вот такие, как вы, и не дают! – Женщина посмотрела еще раз на Архипа Матвеевича и слегка прицокнув языком, мягко произнесла, – Маргарита!

Потом она еще взглядом быстро окинула Архипа Матвеевича и, поняв его смущенность, протянула ему вторую сигарету с надписью на французском «amour et mort»: «Да вы угощайтесь, мне не жалко!»

Архип Матвеевич принял подарок, только вот курить он не умел, что угодно – пыхтеть, жевать, мять, тем более сигареты были дорогими, иностранными и удивительно тонкими, как ему показалось, засунув меж зубов одну, он быстро понял по взгляду собеседницы, что допустил этическую ошибку. Она отвернулась. Утонченная, хрупкая, всем своим существом пережившая окружающей действительности, некий внутренний протест, имеющий воплощенный вид и границы, одно ее присутствие рядом приносило смысл в пространственные формы, ей были глубоко противны люди их массовостью, хотя в отдельности – она уважала каждого.

– Товарищ Маргарита, – раздался голос из-за ее спины, – Простите, я не знаю вашего отчества, чтобы к вам обращаться...

– Да какой я вам товарищ, с чего это вы меня в товарищи себе записали? Называйте как хотите, только без этих ваших... побратимств.

Архип Матвеевич похлопал глазами, такой дерзости он давно не слышал.

– Ну не может, понимаете, не может, взрослый женатый мужчина обращаться к даме по имени! Это, боже упаси, вульгарно!

– Да что вы врете? – с заметным раздражением кинула она. – Жена ваша умерла и ныне вы холост.

С этими словами она направилась к занятому Архипом Матвеевичем столику и, пустив последнее облачко дыма, села возле окна.

– Откуда вы знаете? – спросил подоспевший Архип Матвеевич.

– Я много, что знаю, как например, что свидитесь вы с Анной совсем скоро, и недели ждать не придется... А у вас дома подоконник шаткий.

Архип Матвеевич похлопал глазами.

– Простите, я не совсем понимаю, о чем вы? – он спросил и сделал лицо крайне насто-роженное.

– Поймите, знания страшная вещь, только в умелых руках они могут быть полезны, да вы не сидите так, закажите нам лучше вина, – произнесла Маргарита и начала высматривать на столе книжечку с меню.

– Здесь не продают вино! Оно развращает, к тому же – оно невкусное, кислое, по мне, водка всяко лучше.

Она была человеком честным. Испуг мгновенно изобразился на ее лице.

– Мужчина, не знающий толк в вине и дамах обречен быть несчастным! – Маргарита игриво прицокнула языком, – Вы же к тому же, и книг не читаете?

– Отчего же? Читаю, – Архип Матвеевич надвинул брови и слегка расслабился, слишком замкнутым показалось ему его же поведение. – Вот, вчера стихи читал, как там... во, Толстого, в «Вечерней улице» писали. Отличные стихи! Мне понравились!

– Но Толстой не писал стихов, – Маргарита посмотрела прямо в глаза собеседнику.

– Нет уж, знаете, – заволновался Архип Матвеевич, его лицо покрылось лёгкой испариной, – Вот в этом вопросе я абсолютно газете доверяю, уж они не врут, вот кстати, с их заметками по ботанике я не согласен! Мдэ, знаете, у них там часто чушь пишут, а вот в литературе – они на весь город авторитет! Вы вот сходите на любой завод, их каждый рабочий читает, а это знаете, бесприкрытый показатель!

Архип Матвеевич был собой доволен, ему на минутку показалось, что он ошарашил своей глубокой осведомленностью в вопросе литературы свою собеседницу, но это была еще не победа.

– А я вот еще театр люблю, каждое воскресенье хожу, еще ни одного спектакля не пропустил, иногда, от скуки конечно, и по четвергам захоживаю, там есть такие актёры! Ах! А какой там буфет, вы бы знали, и икра красная, и колбаса копченая, да с хлебушком, белым, черным – любым! Просто прелесть!

Архип Матвеевич расплылся в умиленной улыбке, его губы показались в тот момент ужасно пухлыми и несвойственно красными. Вдруг, он словно испугался, выпятил глаза и громко произнес:

– А хотите, я вас сегодня вечером свожу на свою любимую пьесу? – уголки рта его слегка подрагивали, Вам понравится поверьте, примите это от меня в качестве извинений за испорченное платье!

– Сегодня вечером в шесть у вашей квартиры, – живо произнесла Маргарита, не успел Архип Матвеевич возразить, как она продолжила, – Принесите мне пока попить, что-то здесь слишком душно.

Он встал, а когда вернулся никого за столом и не было, лишь только ее сигарет продолжал витать в воздухе.

Глава 4

Обычная квартира на Фрунзенской набережной, конец дня.

Есть такие места, где все противоречит всему. Такие места – повсюду, вы можете встретить их маленькие островки посреди хвойного леса, а можете найти целые озера и в городских каменных джунглях, пространство этих мест, а вернее их границы, могут раздуться до размеров целых районов, а могут сжаться до четырёх комнатных стен. Архип Матвеевич жил на Фрунзенской набережной, почти в самом центре города, огромные окна его квартиры выходили прямо на реку, отчего утренним легким ветром в его спальне всегда пахло воздушной свежестью. Он ужасно любил воду, как субстанцию или материю, она казалось ему при всем своем, все равно неразгаданной, завораживающей, квартира была выбрана потому – не случайно. Прекрасное место, Архип Матвеевич его и любил в городе больше всего, свою улицу, свой двор, свой вид из окна – а он, поверьте, был чудеснейший. Могучая, сильная река медленно текла вниз, иногда только, поддаваясь слабому дуновению осеннего ветерка, возмущенно бросала волны о гранитный берег, вверху – легкие, словно, пьяные облака тихонечко катились по синеголубому куполу неба, рядом мост, а за ним – прекрасный широченный парк, из ровной полосы зеленых макушек его деревьев лишь изредка выглядывали остроконечные рапиры сосен, возле которых обычно по утру сгущался молочный туман. Архип Матвеевич не был романтиком, но свою квартиру обожал именно за ее романтизм. В дождливые вечера, бывает выглянет в окно, а там – сплошная темнота, разбитые фонари, тусклый машинный свет и косыми плетями рассекает воздух дождь. Сейчас дождя не было, да и фонари были целы, они своей бесконечной чередой огоньков начали занимать наступающую темноту. Настенные деревянные часы показывали ровно шесть, по факту была только половина, Архип Матвеевич нарочно всегда переводил стрелки вперед, так он пытался избежать постоянных опозданий, но у него ничего не выходило. Часы, однако, были далеко не единственной странной или правильно сказать непонятной обычному мещанину вещью в этой квартире. Зеркала. Всего их было пять и ни одно из них не давало верного изображения, каждое из них, показывало совершенно другого человека, не того, что стоял напротив. Все эти пять людей не были похожи и друг на дружку, что говорить, если двое из них были мужчины, а остальные – женщины, Архип Матвеевич имел со всеми свои, уже давно состоявшиеся отношения. С мужчинами ладил абсолютно, они его все полностью устраивали, женщины – напротив. И совершенно непонятно, у кого первого возникла неприязнь к другому, у него ли к ним или наоборот, да только никак те три отражения не мирились с хозяином квартиры, то язык покажут, то отвернутся, а то и вообще оставят раму в одиночестве. Невоспитанные, да и только! А хамство, как известно, вещь заразная. За зеркалами шла картина. Она висела прямо над кроватью Архипа Матвеевича и изображала она сцену кровавой битвы под Аустерлиц, купили картину год назад, а люди с нее начали пропадать через неделю. Сначала это было забавно, но вот когда на картине осталось изображено только голое поле, да несколько верных кисти художника ворон, Архип Матвеевич всерьез задумался о проблеме загадочных исчезновений. Во всем подозрения падали на две вещи: сильную влажность в помещении, что вскоре исключилось наличием в квартире мощного обогревателя и на лапы, да, да, на лапы! Это уже вообще ничем не поддающееся логике явление, всегда, когда Архип Матвеевич возвращался домой, а это обычно выпадало на время послеобеденное, ближе к часам пяти, он, открывая дверь, всегда заставал ровно две пропадающие в стене напротив животных мохнатые лапы. Кто это был? Никто не знает! Может кошка, а может собака, или вообще тигр какой-нибудь, одно было только совершенно очевидно – именно это существо таскало людей с картины и переводило их через стену. В какой-то момент Архип Матвеевич решил прийти домой немного пораньше и проследить, кто же именно ходит по квартире в его отсутствие, однако в тот день, никто у стены не появлялся... Как и в после-

дующую отпускную неделю, специально взятую Архипом Матвеевич для расследований загадочных исчезновений. Однако, как только режим работы восстановился и мужчина стал появляться в своем доме в положенное ему время, приходы, а правильное тут употребить – уходы животного продолжились. Не было только сегодня. Странно, даже слегка грустно, Архип Матвеевич даже было начал слегка беспокоиться о здоровье своего питомца, но сегодняшним вечером дел было куда больше, чем обычно.

Во-первых, Архип Матвеевич четко осознавал – ему нужен был новый костюм на вечер. В моде он, а равно как и просто в хорошей одежде – ничего не понимал. Пришлось перемерять весь свой гардероб, старые вещи, новые, без разницы, но на отрез, что в крапинку оденет, а что в редкую полосочку – все одно. Даже мужчины-отражения оставили Архипа Матвеевича наедине со своей проблемой – удалились и подсказать ничего не могли. В результате долгих мучительных примерок, на вечер был выбран следующий наряд: белая накрахмаленная самым нещадным образом рубашка с забавными манжетами и прямым воротничком, подаренные покойной женой на юбилей дорогие польские брюки с зауженными к шиколотке штанинами да новые лакированные туфли, бывшие Архипу Матвеевичу на размер, но явно больше. Прикид ничем не выделявшийся, а значит – вполне уместный. Одеколон «Гвардейский». Слегка мокрые волосы. И он – ослепительно хорош.

В квартире все остановилось, хозяин, сидел на стульчике возле двери, стыдливо подбрав ноги под себя, смотрел на часы, они показывали ровно двадцать пять минут и сегодня вечером опоздать было нельзя. Время как будто застыло, воздух замер, содрогающаяся своей звонкостью тишина, молчание – а в нем сотни слов, построенных в формате монолога. В голове мелькнула мысль: «Пора выходить!» Как неожиданный дверной звонок опередил ее, по Архипу Матвеевичу пробежала мелкая дрожь, уголки его рта слегка содрогнулись, а он второй раз за день почувствовал клокочущий необъяснимый страх у виска. Позвонили дважды.

Архип Матвеевич подошел к двери и, не посмотрев по своему обыкновению в глазок, дернул за ручку. Перед ним стояла она. Маргарита. Она была одета во все черное, сперва, даже сложно было определить, где начинается рукав, и где заканчивается подол платья, во все пронизывающей темноте лестничной площадки она была как бы законным продолжением мрака, имевшего только слабую белизну оголенных рук. Было сложно разобрать точно, но на ее ногах были обуты мужские разномастные туфли, один ботинок был матовый, другой наоборот – покрытый лаком. Впереди нее несся аромат дорогих духов, смешанный с кислотным привкусом французских сигарет.

– Я пройду? – неловко спросила она, слегка мотнув головой влево.

Архип Матвеевич ничего не ответил. Он был обезоружен, теперь точно – красивее женщины он не встречал. На его бедную долю оставалось только отойти с прохода. Когда она вошла и яркий желтый свет пал на ее плечи, Архип Матвеевич заметил темный кожаный портфель в руках у Маргариты. Она вела себя неестественно странно, ее взгляд постоянно метался по комнате и явно не находил точки достойной, она прошла в зал и положила чемодан на стол.

– Маргарита, – Архип Матвеевич взмолился.

Она не откликнулась.

– Маргарита, прошу, выслушайте меня! Я вас люблю, всем сердцем, – он произносил эти слова и сам не мог поверить, что говорит это, – С самой первой минуты, нет, секунды, что я вас увидел! Я вас не знал тогда, но знаю всю жизнь сейчас, я вас любил на протяжении всех сорока трех лет, а увидел только сейчас! Я вас совсем не знаю, и хочу заранее попросить прощения, вы же отвергните, мне все известно. Я готов на все, но эта ночь и эта шербатая луна не застанут нас вместе.

Маргарита выслушала и впиалась своими холодными глазами в его, затем, она достала из портфеля несколько бумаг и черную ручку.

– Вечность... – задумчиво произнесла она, – Как вы мало о ней знаете, и как часто ее хотите получить, нет ничего абсолютного, как нет ничего бесконечного. Вчера еще, ложась спать вы вспоминали имя жены и хотели с ней увидеться, сегодня – говорите о любви вы мне, но я растаю, совсем скоро и меня не станет. Вы пойдете со мной?

Он молча кивнул.

– Сегодня, мы с вами уйдем вместе, сюда вы больше никогда не вернетесь, подпишите бумаги!

Маргарита указала пальцем на портфель. Архип Матвеевич пододвинул его к себе, рядом лежало несколько заявлений, все написанные от его имени. Первое передавало в наследство некой дальней родственнице Маргарите Н. квартиру на Фрунзенской набережной, второе разрешало показ нового, неизвестного Архипу Матвеевичу фильма в кинотеатре «Березка» и третье – обычная записка с громкой подписью: «В моем исчезновении никого (подчёркнуто) не винить!» он взял ручку. Внимательно перечитал все, и после посмотрел на Маргариту, она была неописуемо хороша, именно сегодня, именно сейчас. Он подписал.

Она расхохоталась. Затрещали стекла, окна, сервант – даже стены как будто заплясали.

– Вперед, вперед, – кричала она, к окну, к окну!

И сама устремилась туда. За ней поспешил Архип Матвеевич.

– Давайте, я за вами, перелазьте, это не страшно! Ну же! Я жду! – продолжала кричать она.

Архип Матвеевич ступил на подоконник и посмотрел вниз, к его удивлению под окном исчезло все: дорога, река, фонари, были только какие-то тучи кругом, да ужасно крича, кружили вороны.

– Давай, – закричала с большей силой она.

В этот момент Архип Матвеевич почувствовал, что подоконник его не выдержал, ноги подкосились и все тело бедного директора кинозала полетело вниз, к облакам.

Маргарита живо же ринулась к женскому зеркало, она встала возле него, дотронулась пальцем до стекла, по нему пошла рябь. Она заговорила.

– Миссию выполнила. Документы достала. Четвертое измерение искривлено. Я пропадаю. До связи.

В квартире опять наступила тишина, и только запах дорогих французский сигарет напоминал о недавних событиях.

Глава 5

День тот же...

Вечер, за окном начинает смеркаться и длинные, гротескные тени медленно заползают сквозь стекла, вокруг темно, и только слабый оранжевый свет от старомодной лампы разьедает кислотную темноту занимающейся ночи. В комнате сыро, собственно, еще и холодно, и все это, конечно, влияет: давно обсыпавшаяся и никем не тронутая со времен постройки штука-турка, дряхлые половицы и далеко не новые стены – все создает впечатление дикой бедноты, и, увы, так оно и есть. Старый корпус городской больницы, номера которой, к сожалению я не помню. Вам, мой дорогой читатель, хочется сказать: «Добро пожаловать, тут-то и работает мой главный герой», но боюсь вас серьезно разочаровать – даже самый отъявленный оптимист не сможет разглядеть в этой жуткой комнатухе что-либо доброго или, по крайней мере, чего-нибудь хорошего (просто приятное глазу – находилось)! Вот с чего обычно начинается знакомство, с запаха? Тут он был мерзкий, даже его можно было бы назвать отвратительным, в воздухе висели ароматы плесени, дешевого парфюма и никотина. Что там дальше, внешний вид? И он оставлял желать лучшего, из четырех стен, окружавших маленькое пространство, одна была вообще почти голой (ну если исключать развешенную гирляндой серебристую паутину), на две другие были кое-как наклеены разномастные обои, которые уже конечно успели порваться во многих местах, а четвертая стена была «самой роскошной», в ней предполагалось размещение трех оконных проемов, но, к сожалению, двое из них были замурованы свежим кирпичом по причине нам неизвестной. Что касается полов, то это был настоящий паркет, правда, сохранившиеся целиком доски можно было по пальцам пересчитать, остальное, было представлено либо в сгнившем, либо в проеденном жучками виде. И только потолок, сохранивший свою чудесную, витиеватую лепнину, мог радовать глаз уставшего врача. Именно он, а собственно, уже знакомый Вам, герой моей повести, сейчас нервно спал за столом, согнув ноги в неудобной позе и сжав в руках еще не успевший остыть окурок. День у Константина Германовича выдался тяжелый, все началось утром, когда на очередной ежедневной «пятиминутке» всему коллективу старого корпуса, в коем и работал мой герой, было объявлено о скором расформировании, далее последовали волны тихих возмущений врачей, каждый начинал судачить на свой лад о происшествии и не редкий ругал самыми невообразимыми формами руководство больницы, будь оно трижды не ладно. На самом деле, это было уже третье за год объявление о расформировании, которое, вряд ли будет исполнено, зато даст целую кучу новых эмоций для пустой болтовни или несносных споров, что очень хорошо помогают коротать рабочее время. Вот так сегодня и случилось – работать никто не хотел, все могли лишь шататься по коридорам больницы, неспешно разговаривать и курить, объясняя это тем, что все равно скоро всех уволят, все, но не он. Волнянский был совершенно не такой, несмотря на всю его внутреннюю злобу и раздражительность, он был удивительно трудоспособен, а врачом так он был вообще прекрасным. Все это, как и многие другие черты его характера, зародились в нем с самых младых его лет, в семье, в коей существовал Константин, было целое поклонение труду и работнику, отец жёстко пресекал всякое безделье, а мать поощряла раннюю работу, и это чувство настолько сильно укоренилось в Волнянском, что даже заслуженный отдых для него порой казался дикой мукой. Вот сегодня, например, рабочий день закончился шесть часов назад, но у Константина Германовича остались еще три пациента с не поставленными диагнозами (их дела сейчас были разбросаны на столе вперемешку с медицинскими учебниками), вот и пришлось оставаться на дежурство, но уставший организм не выдержал, и дав волю сознанию впал в небытие, под чудесным названием «сон», именно в таком состоянии его и застала врасплох только что, черт знает откуда, вновь появившаяся Марго.

Скажу честно, он о ней думал, в редкие минуты упоительного перерыва или во время спасительных перекуров, когда было мало времени для коротенького звонка домой, но так много для пустых размышлений, именно тогда он думал о ней, но, увы, она ему показалась восхитительной грацией, сошедшей небес, и появившейся перед ним как гений красоты и соблазна, но по существу, она была скорее дивным сновидением или божественным миражом, явившемся плодом постоянного невысыпания и отсутствия разнообразия жизни. И даже можно было бы забыть про забавный инцидент с красивой девушкой, появившейся посреди улицы откуда не возьмись и так же загадочно исчезнувшей, можно было бы потом в старости, с улыбкой вспоминать это чудное происшествие, рассказывая внукам детали лица, можно было бы вообще забыть об этом, оставив лишь в памяти белое пятнышко на сегодняшнее число, но дверь действительно открылась и за ней действительно стояла Марго.

Она не стала сразу будить беспокойно спящего врача, она лишь подошла к нему поближе и пристально начала всматриваться в его черты. Она обыскала его глазами, иногда делая длинные паузы на какой-нибудь миловидной ямочке или причудливой родинке, а иногда быстро пробежала взглядом по его предметам одежды. Как ни странно, после такого тщательного обыска, окурок, вяло державшийся между пальцами, Марго заметила последним, девушка изобразила на своем лице одобрительное удивление и аккуратно выдернула недокуренный остаток. Далее, она еще дольше и еще пристальнее занялась разглядыванием помещения, в коем она имела возможность очутиться, и после нескольких довольно странных движений головой и рук (видимо, выразивших полное неудовлетворение этой особой окружающим антуражем), она присела на старый кожаный стул и медленно закурила. Ей как-то это шло, дополняло образ, ее волосы, уложенные в аккуратную прическу волной, иногда вырывались и как будто тянулись к дыму, глаза, слегка тускнели и, сливаясь с серым оттенком воздуха, приобретали уникальный дымчатый цвет, а платье... ооо... видели бы вы его, оно было бесподобно, такого не было больше нигде, оно было черное, благородно-черное, все блестело и переливалось, в нем была и теплая красота, и холодная элегантность, тающая воздушность и пышная легкость, оно идеально шло и к лицу, и к образу самой Марго, и даже давало легкий намек на общий эскапизм девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.